

A photograph of a group of men in a desert environment. The man in the foreground is wearing a brown robe and a patterned headscarf, holding a rifle. Other men are visible in the background, also wearing similar attire. The scene is set in a dry, sandy landscape.

Максим Орлов

**КНИГА 3: «ВОРОН.
ТИШИНА
САХЕЛЯ» (Цикл
«Вороны»)**

Максим Вячеславович Орлов

КНИГА 3: «ВОРОН. ТИШИНА САХЕЛЯ» (Цикл «Вороны»)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73065703

SelfPub; 2026

Аннотация

2027 год. Сахель, Западная Африка. Группа ветеранов во главе с «Шахматистом» получает контракт: охранять гуманитарную миссию ВОЗ в лагере беженцев близ Гао. Кажется, рутинная работа для бывших солдат. Но в иссушенной солнцем пустыне скрывается не только голод и болезни. Здесь, в глубине древних соляных шахт, частная военная компания «Орфей», связанная с таинственным консорциумом «Мнемозина», проводит чудовищный эксперимент по «коррекции» человеческого сознания. «Пастухи», местные бандиты, оказываются лишь пешками в этой игре.

Охранники внезапно становятся мишенью. Их прошлое – балканские кошмары, огненные котлы Донбасса, личные трагедии – превращается в оружие против них самих. Каждая встреча с врагом оборачивается схваткой с собственными призраками. Чтобы выжить и выполнить миссию, им придётся пройти через песчаную бурю Харматан, предательство, и сделать невозможный

выбор на краю солончака, где цена памяти оказывается выше цены жизни.

Содержание

ПРОЛОГ: ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ	5
АКТ I: ПЕСОК В ШЕСТЕРНЯХ	17
ГЛАВА 1: Полевой госпиталь ВОЗ	17
ГЛАВА 2: Дорога в лагерь «Надя».	20
ГЛАВА 3: ПЕСОК НА ЗУБАХ	27
ГЛАВА 4: СКИФ. УРОКИ ПУСТЫНИ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Максим Орлов

КНИГА 3: «ВОРОН. ТИШИНА САХЕЛЯ» (Цикл «Вороны»)

ПРОЛОГ: ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

«В пустыне нет компромиссов. Ты либо пьёшь воду, либо становишься её частью – высохшим прахом под солнцем. И так же на войне: ты либо убиваешь инстинктом, либо умираешь от рефлексии».

Из блокнота, найденного в брошенном БТР под Гао.

Часть 1: Стамбул. Ночь перед вылетом.

Артем Калинин – «Шахматист» – стоял на плоской крыше отеля в районе Бешикташ, опираясь на перила. Внизу, в проливе Босфор, как светящиеся змеи, ползли паромы. Воздух был тёплым, влажным, пахнущим морем, жареными каштанами и... тревогой.

В кармане его лёгкой ветровки жужжал зашифрованный

спутниковый телефон. Голос в трубке был синтезированным, без пола и возраста, как в старых шпионских фильмах.

– Доктор Леметр и его груз – приоритет номер один. Фонд оплатил все ваши запросы. Новые люди, снаряжение. Но есть нюанс.

– Всегда есть нюанс, – тихо сказал Артем.

– Спутниковые снимки за последнюю неделю. Район в сорока километрах к северо-востоку от лагеря «Надя». Активность. Не характерная для кочевников или «Ансар ад-Дина». Следы тяжёлой техники, вероятно, грузовиков бхб. И... тепловые сигнатуры, похожие на передвижные генераторы. В пустыне, где нет ни одного поселения. «Орфей» роет себе нору.

– Значит, их интересует не просто регион. Им нужна конкретная точка.

– Именно. Ваша миссия: доставить доктора, обеспечить его работу. Параллельно – установить наблюдение за аномалией. Только наблюдение. Никаких контактов. Ваша группа – не ударный кулак. Это скальпель и глаза.

– А если «Орфей» сам выйдет на контакт?

– Тогда вы действуете по обстановке. Но помните, ваш официальный статус – сотрудники частной службы безопасности гуманитарной миссии. Любое агрессивное действие должно выглядеть как самооборона. Удачи, «Шахматист». Канал будет активен.

Связь прервалась. Артем вынул SIM-карту, сломал её и

развевал микроскопические обломки над тёмной водой пролива. Скальпель и глаза. Он слишком хорошо знал, как часто скальпель приходится менять на топор, а глаза – закрывать от того, что они увидели.

Он спустился в номер. На столе лежали пять чистых паспортов, билеты на рейс Стамбул – Бамако и толстая папка с данными на новых членов команды. Максим «Скиф» Волхов. Анна «Сойка» Яковлева. Денис «Кремень» Семёнов. Их лица на фото были замкнутыми, глаза смотрели мимо камеры, куда-то внутрь себя, в прошлое, которое они принесут с собой в Сахару. Он надеялся, что этого прошлого хватит, чтобы выжить. И боялся, что его окажется слишком много.

Часть 2: Воздушное пространство над Мали. Борт Airbus H125. 06:30.

Вертушка, арендованная у сомнительной ливанской компании, прыгала в потоках горячего воздуха, поднимающегося от раскалённой земли. Внутри, в крошечном гуле, пятеро человек проверяли снаряжение.

Кирилл Волков – «Призрак» – сидел у иллюминатора. Внизу проплывал пейзаж, больше похожий на кожу гигантского, умершего животного: жёлто-коричневые, потрескавшиеся равнины, изредка прорезанные сухими руслами рек – вади. Ни зелени, ни воды. Только пыль. Он вставил беруши, заглушая рокот, но тишина внутри была хуже. Она заполня-

лась воспоминанием-звуком: пронзительный свист ракеты, идущей на сбитый над Донбассом вертолёт, в котором летел его брат-лётчик. Звук, который он не слышал, но который мозг дорисовал за него. Он резко открыл глаза. Не здесь. Не сейчас.

Напротив него, тяжело дыша в разреженном воздухе, сидел Иван «Молот» Жуков. Он протирал ветошью затворную группу своего нового пулемёта – российского РПЛ-20 под патрон 6.02x41 мм, с подачей из прозрачных пластиковых коробов. Оружие было легче и точнее старого РПК. Но в его руках оно выглядело игрушечным. Он то и дело поглядывал на Максима «Скифа» Волхова. Тот, в свою очередь, с холодной отстранённостью осматривал свой автомат АК-19 с планкой «Пикатинни» по всей длине и короткоствольный гранатомёт «Балкан» под прикладом. Его движения были резкими, экономичными, без лишней суеты. Ветеран.

– Первый раз в Африке? – перекрикивая гул, спросил «Скиф», не глядя на «Молота».

– Нет. Конго, десять лет назад. Джунгли. Там было мокро. Здесь... – «Молот» кивнул на иллюминатор, – здесь всё умерло.

– Здесь всё просто хочет пить, – парировала Анна «Сойка» Яковлева. Она не смотрела наружу. Её взгляд был прикован к экрану планшета, куда стекались данные с разведывательного мини-дрона «Орлан-В», запущенного за полчаса до них. На экране тепловизора плыли абстрактные картины:

холодные синие пятна скал, чуть более тёплые – сухих кустов. Никаких людей. – Тишина. Слишком тихая. Даже кочевники должны где-то быть.

Рядом с ней, пристегнутый ремнями, спал, или делал вид, что спит, Денис «Кремень» Семёнов. Его руки, покрытые шрамами и татуировками (метки обезвреженных мин), были сложены на груди. В его рюкзаке, кроме стандартного набора, лежали не только миноискатели, но и самодельные приборы для дистанционного обнаружения взрывчатки по её пару – наследие окопной войны, где фугасы закапывали повсюду.

Пилот, француз с загорелым до черноты лицом, обернулся и показал большой палец вниз. Подготовка к посадке. Впереди, в мареве, показались глинобитные постройки и взлётно-посадочная полоса, больше похожая на просёлочную дорогу. Гао.

Параллельная линия: Подземный командный центр «Орфей», район солёного озера Фагибин.

Помещение было вырублено в соляной толще древнего озера. Воздух сухой, прохладный, пахнущий химикатами и озоном. Стены искрились под светом светодиодов. На центральном экране в режиме реального времени отслеживался тот самый Airbus H125. Метка медленно приближалась к Гао.

Габриэль «Маэстро» Дюран, высокий, подтянутый мужчина лет пятидесяти с седыми висками, в безупречной песочной полевой форме без знаков различия, пил ледяную воду из алюминиевой фляги. Его взгляд был устремлён не на метку, а на боковой монитор, где бежали строки кода – данные с нейроинтерфейсов тестовой группы.

– «Собиратели», – произнёс он без эмоций, обращаясь к своей операторше, Оливии Шоу. Та, молодая женщина с бледным лицом и волосами, собранными в тугий пучок, смотрела на те же данные. – Русские. Старая гвардия и новые. Интересный микс.

– Мы отследили их финансирование. Канал ведёт к фонду «Гея», за которым стоит российский олигарх Малинов. Его интересы в регионе... противоречат интересам наших патронов, – отчётливо доложила Оливия. – Сценарий вмешательства?

– Сценарий «Тихий час», – Дюран поставил флягу. – Они пришли как охранники гуманитариев. Значит, их мандат – защита, а не нападение. Мы дадим им почувствовать себя в безопасности. Пусть развернут свою клинику, начнут работу. А тем временем... активируем «Пастухов». Пусть Аль-Мустафа пощёлкает зубами на периметре. Нам нужно увидеть, как они реагируют. Какие у них слабости. Особенно у новых. У этих... ветеранов с востока. У них в глазах слишком много огня. Или пепла. Надо понять, чего больше.

– А доктор Леметр? Его вакцина может нарушить наши

эпидемиологические модели.

– Модели – ничто перед полевыми данными, – холодно улыбнулся Дюран. – Если его вакцина окажется эффективной в условиях нашего контролируемого стресса... это будет бесценный data-сет. А если нет... что ж, природа возьмёт своё. Отправить Аль-Мустафе сигнал: «Зелёный свет. Минимальная эскалация. Цель – оценка реакции».

Основная линия: Посадка в Гао. 07:15.

Вертолёт, подняв бурю жёлтой пыли, приземлился на краю ВПП. Жара ударила в лицо, как физическая пощёчина – сухая, обжигающая, выше 45 градусов. Воздух колыхался над землёй. Из низких построек аэропорта (назвать это терминалом язык не поворачивался) к ним уже бежали несколько человек в смеси военной и гражданской одежды. Впереди – Ибрагим Диалло.

– Добро пожаловать в ад в песочнице, – сказал он по-английски, крепко пожимая руку «Шахматисту». Его рука была твёрдой, сухой, ладонь покрыта грубыми мозолями. Глаза, умные и усталые, мгновенно оценили группу. – Машины готовы. Ваш доктор уже в городе, в полевом госпитале. Но есть проблема.

– Уже? – «Шахматист» надел тёмные очки.

– Ночью на лагерь «Надя» напали. Не штурмовали, просто... подошли, постреляли в воздух, угнали три мотоцикла

и скрылись. «Пастухи». Местная шайка. Раньше они не заходили так близко. Как будто проверяли оборону.

– Или отвлекали внимание, – сказала «Сойка», не отрываясь от планшета. Её дрон, сделав круг, сел ей на плечо, как механический сокол. – Я не вижу крупных скоплений в радиусе десяти километров.

– «Пастухи» не скопления, – мрачно ответил Ибрагим. – Они тень. Появятся из-за дюны, нанесут удар, растворятся. Их лидер, Аль-Мустафа... он не просто бандит. Он пророк в своих глазах. И он ненавидит всех, кто приносит сюда «чуждые порядки». Включая врачей.

Группа погрузилась в два бронированных Land Cruiser 70-й серии с поднятой подвеской и решётками на окнах. Двигаясь по улицам Гао, они видели город-призрак. Рынки работали, но люди двигались быстро, без лишних разговоров. На каждом углу – блокпосты солдат хунты, смотрящих на них пустыми, равнодушными глазами. На стенах – следы от пуль и надписи на арабском и французском.

Их довезли до комплекса зданий, обнесённого мешками с песком и колючей проволокой. Полевой госпиталь ВОЗ. Внутри царила организованная суэта. И тут «Призрак» увидел его.

У колодца во внутреннем дворе стоял мальчик лет десяти. Он не просил милостыню. Он просто смотрел. На его лице не было ни любопытства, ни страха. Была полная, абсолютная пустота. Та самая пустота, которую «Призрак» видел в

глазах сербской девушки в горящей церкви. Пустота, в которую ушла душа, оставив лишь оболочку.

Мальчик поймал его взгляд, медленно поднял руку и указал пальцем куда-то за стену, на северо-восток. Туда, где согласно данным «Шахматиста», была аномалия. Потом развернулся и ушёл в тень, не оборачиваясь.

– Видел? – тихо спросил «Шахматист», подойдя.

– Видел, – «Призрак» снял очки, протёр линзы. Его руки были сухими и холодными, несмотря на жару. – Это было предупреждение? Или приглашение?

– Это был знак. Что мы уже в игре. И что правила пишет не тот, кто сидит в Стамбуле или в том соляном бункере. Их пишет сама пустыня. И те, кто научился слышать её шёпот.

Внезапно со стороны ворот раздался резкий, сухой треск – не выстрел, а звук рвущейся ткани. Это лопнул на жаре баннер с эмблемой ВОЗ. Все вздрогнули. «Скиф» и «Молот» инстинктивно взяли оружие на изготовку. «Сойка» запустила дрон в воздух. «Кремень» настороженно осмотрел периметр.

Ибрагим вздохнул.

– Вам нужно привыкнуть. Здесь каждый звук – либо ветер, либо смерть. И чаще всего это просто ветер. Пока.

Они вошли в прохладное помещение, чтобы встретиться с доктором Леметром. Снаружи, на раскалённой улице, тот самый мальчик уже исчез, будто его и не было. Но палец, указывающий на северо-восток, будто висел в воздухе, как

стрелка проклятого компаса, ведущего их к месту, где тишина Сахары должна была быть нарушена не криком, а беззвучным воплем нового вида войны.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПРОЛОГУ

1. Техника и вооружение:

Airbus H125 (ранее Eurocopter AS350 «Ecourel»): Лёгкий многоцелевой вертолёт, популярный для операций в Африке благодаря надёжности и способности работать в условиях высоких температур и на больших высотах.

РПЛ-20 (Ручной Пулемёт Лёгкий, обр. 2020 г.): Новейший российский единый пулемёт под перспективный патрон 6,02x41 мм. Отличается высокой точностью, лёгкостью (около 5 кг без патронов) и эффективной дальностью до 800 м. Использование прозрачных коробов позволяет визуально контролировать расход боеприпасов.

АК-19: Экспортный вариант автомата Калашникова под патрон 5,56x45 мм НАТО. Оснащён полноразмерной планкой Пикатинни на крышке ствольной коробки и цевье, складывающимся прикладом. Выбор «Скифа» обусловлен возможностью использования трофейных боеприпасов НАТО, широко распространённых в регионе.

Гранатомёт «Балкан» (6Г27): Подствольный гранатомёт калибра 40 мм, совместимый с автоматами серии АК-100/200. Позволяет вести навесную стрельбу на ди-

станцию до 400 метров.

«Орлан-В»: Сверхлёгкий разведывательный БПЛА, оснащённый ТВ- и тепловизионной камерами. Может запускаться с руки, время полёта – до 90 минут. Управляется через планшетный компьютер.

Land Cruiser 70: Легендарный внедорожник Toyota, эталон надёжности для сложных условий. Бронированные версии – стандартный транспорт для гуманитарных и силовых миссий в Африке.

2. География и климат:

Сахель: Экорегион в Африке, переходная зона между пустыней Сахарой на севере и более плодородными саваннами на юге. Характеризуется крайне засушливым климатом, деградацией почв, хронической нехваткой воды. Летние температуры регулярно превышают +45°C.

Вади: Арабское название сухих русел рек и ручьёв, заполняемых водой только после сильных, но редких дождей. Основные ориентиры и пути сообщения в пустыне, а также места возможных засад.

Солёное озеро (Себха) Фагбин: Реальное пересыхающее солёное озеро (себха) на границе Мали и Нигера. Толстые соляные корки и пласты создают естественную звуко- и теплоизоляцию, идеальную для создания скрытых баз.

Харматан: Сухой и пыльный западноафриканский пассат, дующий из Сахары в сторону Гвинейского залива с конца ноября по март. В контексте книги может означать и

метеорологическое явление, и кодовое название операции.

3. Политический и социальный контекст:

Гао: Город на востоке Мали, исторический центр региона. После гражданской войны в Мали (2012-) и последующих переворотов город и регион переживают нестабильность, находятся под контролем хунты, но подвергаются атакам джихадистских группировок («Ансар ад-Дин», JNIM).

«Пастухи»: Обобщённое название местных бандитских формирований, часто формирующихся из кочевников-скотоводов, чьи традиционные маршруты и ресурсы уничтожены засухой и конфликтами. Могут работать как на себя, так и наниматься более крупными игроками.

Хунта в Мали: Военное правительство, пришедшее к власти в результате переворотов 2020 и 2021 годов. Формально борется с джихадистами, но на деле часто сотрудничает с ЧВК (как российская группа «Вагнер» в реальности) и ведёт жёсткую внутреннюю политику.

АКТ I: ПЕСОК В ШЕСТЕРНЯХ

ГЛАВА 1: Полевой госпиталь ВОЗ

Гао. 08:00.

Прохлада внутри глинобитного здания была обманчивой. Она не приносила облегчения, а лишь подчёркивала липкий слой пота под бронежилетами. Воздух пах хлоркой, пылью и сладковатым запахом гниющей плоти, который не могла перебить никакая дезинфекция.

Доктор Виктор Леметр оказался человеком лет шестидесяти, с лицом, иссечённым морщинами не столько от возраста, сколько от постоянного прищура под палящим солнцем. Его движения были спокойны, точны, а глаза – цвета выгоревшего на солнце неба – смотрели прямо и без тени сомнения.

– Я рад, что вы здесь, – сказал он, пожимая руку «Шахматисту». – Но должен быть честен: ваше присутствие – как красная тряпка для быка. «Пастухи» и им подобные видят в вооружённых иностранцах только оккупантов или шпионов.

– Наша задача – чтобы вы сделали свою работу и верну-

лись живыми, доктор, – ответил Артем. – Всё остальное – фон.

– Фон, который очень легко становится передним планом, – вздохнул Леметр. – Лагерь «Надя» в сорока километрах отсюда. Там около трёх тысяч человек, в основном женщины и дети. Вспышка холеры. У нас есть вакцина, растворы для регидратации. Мы должны быть там сегодня. Каждый час промедления – десятки жизней.

План был прост на бумаге: колонна из трёх машин. В головном «Крузаке» – «Шахматист», «Скиф» и Ибрагим. Во втором, с доктором и медсёстрами, – «Молот» и «Кремень». В замыкающем – «Призрак» и «Сойка» с её оборудованием. «Сойка» должна была вести постоянную разведку дронами по маршруту.

Пока «Молот» и «Кремень» помогали грузить ящики с медикаментами, «Скиф» подошёл к «Призраку», который проверял свою винтовку – точную, с длинным стволом и мощным оптическим прицелом, чужеродную в этом пыльном дворе.

– Снайпер, – констатировал «Скиф». Его голос был ровным, без одобрения или осуждения. – Дальняя работа.

– Работа на опережение, – не глядя на него, ответил «Призрак», вкладывая длинные патроны в магазин. – Лучший бой – тот, которого не было.

– В теории, – «Скиф» хмыкнул. – На практике тот, кто стреляет первым, часто стреляет вслепую. И попадает не в

ту цель. Убедился в этом под Авдеевкой.

Между ними повисло напряжённое молчание. Это был не конфликт, а столкновение двух философий войны: хирургической точности издали и грубой силы ближнего боя.

– Надеюсь, твоя теория сработает, – наконец сказал «Скиф». – Потому что если они подойдут вплотную, моя работа станет намного грязнее.

ГЛАВА 2: Дорога в лагерь «Надя».

09:30. Дорога в лагерь «Надя».

Колонна выползла за ворота и уткнулась в стену жары. Гравийная дорога вилась между редкими акациями, их иссушенные ветви напоминали когтистые руки, вцепившиеся в выжженное небо. «Сойка», сидя на заднем сиденье, развернула два планшета. На одном – карта маршрута со спутниковой привязкой, на другом – живые кадры с «Орлана», который кружил на высоте трёхсот метров впереди колонны.

– Вижу нашу тропу, – доложила она в радиоканал. – Прямо по курсу, километров через пять, сухое русло – вади. Глубина метра три, крутые склоны. Идеальное место для засады.

– «Призрак», займи позицию на северном склоне вади, как проедем. Обзор на подступы, – скомандовал «Шахматист». – Остальные – боевая готовность. Ибрагим, есть другие пути?

– Только если ехать двадцать километров в объезд, по сыпухам, – отозвался малиец. – И то не факт, что там чисто.

Машины медленно въехали в широкое, усыпанное круглой галькой русло. Тени от высоких склонов дали желанную прохладу, но вместе с ней пришло чувство ловушки. «Сой-

ка» увеличила масштаб на экране, вглядываясь в каждый камень, каждую тень на противоположном склоне.

– Ничего не вижу... Стоп. Движение. Девять часов, на гребне. Два... нет, три человека. Пешком. Несут что-то длинное. Трубы? – её голос оставался спокойным, но пальцы замерли над сенсором.

– РПГ, – брезгливо бросил «Скиф» из первой машины. – «Молот», будь готов. «Призрак», видишь?

«Призрак» уже выбрал позицию: естественную нишу в скале с хорошим обзором на гребень. Он вжался в землю, устроил винтовку на сошках, правый глаз прильнул к окуляру прицела. Перекрестье поползло по фигуре человека, который поднимал над плечом длинный предмет.

– Вижу. Дистанция четыреста двадцать. Жду команды.

– Не стреляй, пока не будет явной угрозы, – прозвучал голос «Шахматиста». – Они могут быть просто наблюдателями.

В этот момент со склона, прямо перед колонной, поднялось облако пыли. Из-за валуна выскочил старенький пикап с самодельным пулемётом в кузове. Вторая машина с «Пастухами» рванула с южного склона, пытаясь отрезать хвост колонны. План стал ясен: зажать их в русле и расстрелять.

– Контакт спереди и сзади! – крикнул «Молот», разворачивая свой РПЛ-20 через окно.

Грохот выстрелов, многократно усиленный эхом каменного коридора, оглушил всё. Пули с визгом рикошетили от

камней. «Скиф» высунулся из окна головного «Крузак» и короткой очередью из АК-19 прошёлся по кузову пикапа. Стекла рассыпались, но пулемётчик в кузове, закутанный в тёмную ткань, продолжал стрелять.

И тут на гребне тот самый человек с трубой присел на одно колено. Оранжевый сноп пламени вырвался из среза гранатомёта. Ракета, оставляя за собой дымный хвост, понеслась к головной машине.

– РПГ! – заорал «Скиф».

Ибрагим рванул руль влево. «Крузак» кренился на двух колёсах, уворачиваясь. Ракета пронеслась в сантиметрах от капота и врезалась в склон позади них, подняв фонтан земли и камней.

– «Призрак», убирай гранатомётчика! Немедленно! – прозвучала команда.

В ушах «Призрака» на секунду заглушило все звуки. Он видел только перекрестье на груди цели, видел, как тот судорожно перезаряжает, пытаясь вставить новую гранату. Его палец лежал на спуске. Но вместо этого он увидел воспоминание-калейдоскоп: заснеженную улицу Приштины, горящую церковь, и человека с тростью, уходящего в дым. Майер. И его собственный выстрел, который он тогда не сделал, застывший в мышцах как паралич.

– «Призрак»! – рявкнуло радио.

Выстрел всё-таки раздался. Громкий, сухой хлопок. Человек на гребне дёрнулся и рухнул, выпустив гранатомёт из

рук. Но это выстрелил не «Призрак». Это был «Скиф» из своего АК-19, умудрившийся с ходу, с тридцати метров, попасть в голову гранатомётчика длинной очередью. Хладнокровно, почти механически.

— Цель уничтожена, — ровным голосом доложил «Скиф». — Но их много.

Бой превратился в хаос. «Молот», высунувшись по пояс из люка в крыше своей машины, поливал свинцом пикап. Его пули прошивали тонкий металл, в кузове что-то взорвалось, и пикап, охваченный пламенем, врезался в скалу. Но с южного склона уже спускалась третья группа «Пастухов», человек восемь, ведя беспорядочный огонь из автоматов.

Один из них, молодой, почти мальчик, с дикими, безумными глазами, выхватив длинное мачете, с рёвом бросился прямо на машину «Молота». Иван увидел эти глаза. И его накрыло воспоминание: Амазония. Ночь. Такой же взгляд, стеклянный и пустой, у индейца, отравленного наркотическим соком. Он был жертвой, а не врагом. И в тот миг «Молот» не смог выстрелить, понимая, что убивает того, кого должен был спасти.

Его рука дрогнула. Палец на спуске ослаб. Мальчик с мачете был уже в двух шагах, его залитый потом и яростью face исказился в крике.

Выстрел прогремел прямо над ухом «Молота». Мальчика отбросило назад, как тряпичную куклу. Пуля «Кремня», вышедшего из машины и стрелявшего с колена из коротко-

ствольного автомата, попала точно в центр массы.

– Очнись, кретин! – прошипел «Кремень», хватая «Молота» за бронежилет и стаскивая его вниз, в салон, как раз в тот момент, когда пули ударили по месту, где он только что стоял. – Здесь нет никого, кого нужно жалеть. Здесь есть только те, кто хочет тебя убить, и те, кто уже мёртв. Понял?

Тем временем «Сойка», игнорируя свист пуль вокруг, сосредоточила всё внимание на экране. Она заметила аномалию: один из «Пастухов», не участвуя в атаке, стоял в стороне, укрывшись за камнем, и что-то говорил в рацию. Его движения были слишком чёткими, а камуфляж – не самодельным, а фабричным, пятнистым, похожим на used армией ОАЭ.

– «Шахматист», – чётко доложила она. – Среди них есть один не местный. Наблюдатель. Возможно, от «Орфея». Координирует.

– Взять живым! – немедленно скомандовал Артем.

Но было уже поздно. «Наблюдатель», поняв, что атака провалилась и его заметили, бросил рацию, развернулся и побежал к скрытому за скалой мотоциклу. «Призрак», наконец преодолев паралич, перенёс на него прицел, выстрелил. Пуля ударила в камень, отскочив на сантиметр от плеча убегающего. Второй выстрел опоздал – мотоцикл с ревом рванул вглубь вadi и скрылся.

Тишина, наступившая после боя, была оглушительной. В ушах стоял звон. Воздух пропах порохом, гарью и ме-

дью крови. «Молот», бледный, сидел в машине, тупо глядя на свои трясущиеся руки. «Кремень» уже осматривал периметр, проверяя тела. «Скиф» перезаряжал магазин, его лицо было каменной маской. «Призрак» спустился со склона, его винтовка была чиста – он сделал всего один, запоздалый выстрел.

– Потери? – спросил «Шахматист», выходя из машины.

– У нас – никого, – отозвался Ибрагим, осматривая простреленную резину на своём «Крузаке». – У них... восемь тел. Остальные разбежались.

– Анна, что с наблюдателем?

– Ушёл. На мотоцикле Yamaha с усиленной рамой. Не местный мусор. Я записала направление. – «Сойка» показала на планшет. – Он уехал туда. На северо-восток.

Все обменялись взглядами. Туда, куда показывал мальчик. Туда, где была аномалия.

– Они знали о нашем маршруте, – тихо сказал «Шахматист». – И знали, когда мы выедем. Это была не случайная засада. Это была проверка. Разведка боем.

– И мы её прошли? – с горькой усмешкой спросил «Скиф».

– Мы выжили, – поправил его Артем. – Но они теперь знают, как мы воюем. Кто стреляет, а кто думает. Кто хладнокровен, а кто... сомневается. – Его взгляд скользнул по «Молоту» и «Призраку». – Собираемся. Доезжаем до лагеря. И с этого момента мы не охранники. Мы мишень в тире. И кто-

то только что прицелился.

Они погрузились в машины, оставив позади дымящиеся обломки и тёмные пятна на жёлтом песке. Пустыня, проглотив выстрелы, снова замерла в своей вечной, безжалостной тишине. Но для них эта тишина теперь звенела предупреждением. Первая кровь была пролита. Шестерёнки зацепились. И песок, попавший в механизм, уже начал свою медленную, неумолимую работу по их истиранию.

ГЛАВА 3: ПЕСОК НА ЗУБАХ

«Ты думаешь, пустыня молчит? Ты просто не умеешь её слушать. Она шепчет песком на ветру, скрипит челюстями шакала над падалью, стонет в расширяющихся от жары камнях. И самый громкий звук здесь – это биение твоего сердца в полной тишине».

Из дневника Кирилла Волкова («Призрак»).

Перспектива: «Призрак»

Песок. Он был везде. Скрипел на зубах, забивался под ногти, въедался в поры кожи, смешиваясь с потом и прилипая, как вторая, абразивная плёнка. После боя в вади тишина не наступила. Она сменилась гулом в ушах – высокочастотным писком, в который вплетались отголоски выстрелов и тот единственный, не сделанный мною хлопок.

Я сидел на складном табурете у заднего колеса «Крузака», разбирая «Винторез». Механические действия успокаивали: вынуть магазин, отвести затвор, извлечь патрон из патронника, проверить ствол на предмет песка. Все движения доведены до автоматизма за годы в горах Сербии и лесах Конго. Но сегодня автомат дал сбой. Мои пальцы дрожали. Не сильно, заметно только мне. Эта дрожь шла изнутри, из той

самой пустоты, что открылась в момент, когда нужно было нажать на спуск.

Почему? – спрашивал я себя, глядя на безупречно чистый нарезной ствол. Не из-за жалости. Жалость в нашей профессии – роскошь, которую закапывают в первой же могиле. Из-за Майера. Его призрак встал между перекрестьем прицела и живой, дышащей мишенью. На Балканах я упустил его, задумавшись на долю секунды о том, кто он: монстр или солдат, выполняющий приказ? Эта доля секунды стоила жизни трём людям из моей группы. И сегодня история повторилась. Я задумался. «Скиф» – не задумался. Он действовал. И мы живы.

– Забился? – услышал я голос рядом.

Я вздрогнул, не показав виду. Рядом стояла «Сойка». Она сняла шлем, и тёмные волосы, слипшиеся от пота, обрамляли уставшее, загорелое лицо. В руках она держала планшет, экран которого был испещрён картами и значками.

– Нет. Профилактика, – буркнул я, возвращая затворную раму на место.

– Я о твоей голова, – она присела на корточки, её глаза, серые и острые, изучали моё лицо. – Там, на склоне. Я видела с дрона. Ты его держал на мушке три секунды. Это вечность. Что случилось?

От её прямого взгляда хотелось отвернуться. «Сойка» была как её дроны: видела всё, запоминала, анализировала.

– Пыль, – солгал я. – Ветер поднял вихрь, потерял чёт-

кость картинки.

Она медленно кивнула, не веря ни слова. Но давит не стала. Вместо этого протянула планшет.

– Смотри. Траектория ухода того наблюдателя. Он ехал не просто на северо-восток. Он ехал по старому караванному пути. Вот тут, – она провела пальцем по линии на карте, – путь проходит в трёх километрах от лагеря «Надя». А вот здесь, в сорока километрах дальше, он упирается в солёное озеро. Фагибин.

– То есть они рядом.

– Они везде. Этот «тест» был для нас. И мы его завалили. Дюран теперь знает, что у нас есть слабые звенья. – Она посмотрела на «Молота», который в одиночестве пил воду из фляги, глядя в пустоту, и затем вернула взгляд на меня.

Её слова обожгли сильнее солнца. Я был слабым звеном. В Амазонии «Батя» говорил: «Снайпер – это совесть операции. Его решение – итоговое. Если совесть засомневалась – вся операция мертва». Моя совесть засомневалась. И теперь мы все под прицелом.

Параллельная сцена: Командный центр «Орфей», соляная шахта.

Габриэль Дюран просматривал запись боя. Не спутниковые снимки, а чёткое, стабилизированное видео, снятое с камеры на шлеме того самого «наблюдателя» – своего опера-

тивника. На экране замерла картинка: снайперская винтовка в нише скалы, неподвижная, как скала сама.

– Увеличьте лицо стрелка, – тихо приказал Дюран.

Оливия Шоу щёлкнула клавишами. Изображение «Призрака», размытое расстоянием, стало чётче. Дюран вглядывался в глаза, в скупую мимику.

– Видите? Момент нерешительности. Классический симптом посттравматического стресса. Триггер... вероятно, вид РПГ. Оружие площадного поражения. Связь с прошлой травмой. – Он откинулся в кресле. – А этот... «Молот». Сильная физическая реакция, ступор при ближнем контакте с подростком. Глубинная, неразрешённая вина. Идеально.

– Сценарий «Хаос»? – уточнила Оливия.

– Нет. Слишком рано. Сценарий «Зеркало». Подготовьте вторую фазу. Я хочу, чтобы они увидели своё отражение в песке. И чтобы оно их ужаснуло.

Перспектива: «Призрак» (продолжение).

Колонна тронулась. Лагерь «Надя» встретил нас не криками, а молчанием. Десятки палаток из жёлтой ткани и пластика, растянувшиеся до горизонта. Воздух плотный, густой от запахов: тушёной чечевицы, дыма от дров, немытых тел и подкрадывающейся, сладковатой ноты болезни. Дети с огромными, не по возрасту серьёзными глазами наблюдали за нами из-за пологов. Взрослые, в основном женщины,

занимались бесконечным бытом: носили канистры с водой, развешивали бельё. Мужчин почти не было видно.

Доктор Леметр и его команда мгновенно растворились у центрального медпункта – большого армейского шатра. Наша группа начала обустривать периметр. «Кремень» с своим чутьём и приборами пошёл проверять подступы на мины. «Скиф» и «Молот» стали расставлять посты. Я выбрал позицию на крыше полуразрушенного глинобитного склада на северной окраине. Отсюда открывался вид на всё шатровое море и, что важнее, на ту самую караванную тропу на северо-востоке.

Устроив гнездо, я натянул над собой маскировочную сеть, создав островок тени. И снова взялся за винтовку. Прильнул к окуляру тепловизионного прицела «Многоцелевой тепловизионный прицел МТП-2». В его зеленоватом мире всё было иначе. Люди светились яркими пятнами, охлаждающиеся камни – тёмными. Я вёл сканирование сектора, метр за метром. Бездумно, почти медитативно. И тут мой взгляд поймал движение. Не на тропе. В самом лагере. Два тепловых силуэта, мужской и детский, отделились от палаток и быстро зашагали к его северной границе, к старому колодцу с сломанным журавлём. Что-то в их движениях было тайным, поспешным.

Я не отрывался от прицела. Мужчина огляделся, затем достал из-под джеллабии небольшой предмет – прямоугольный, похожий на спутниковый телефон. Он что-то набрал,

поднёс к уху, быстро проговорил и сунул обратно. Мальчик, лет двенадцати, стоял на шухере, его голова вращалась, как у степной птицы. Шпионаж. Примитивный, но эффективный. Он передал наши координаты? Состав? Или просто доложил, что доктор прибыл?

Я положил палец на спусковой крючок. Дистанция – 280 метров. Лёгкий ветерок справа. Попадание гарантировано. Убрать угрозу. Обезвредить источник утечки. Логично. Профессионально.

Но в голове снова всплыл тот мальчик в Гао. Его пустой взгляд. Палец, указующий в пустыню. А если этот здесь – такой же инструмент? Запуганный, купленный за банку тушёнки? Убить его – всё равно что раздавить скорпиона. Но скорпион жалит, чтобы выжить, а не из ненависти.

Я перевёл дуло. Выстрелил. Не по людям. По старой, ржавой бочке, стоявшей в метре от мужчины.

К-Х-Л-О-П!

Звук выстрела винтовки ВСС, благодаря интегрированному глушителю, был негромким, сухим щелчком. Но удар пули по металлу прозвучал как колокол. Мужчина и мальшек вздрогнули, как от удара тока, и бросились врассыпную, скрываясь между палатками.

– «Призрак», доложить! Что за выстрел? – в эфире тревожный голос «Шахматиста».

– Контрольный выстрел, – ответил я, ощущая странную

пустоту в груди. – По бочке. Отрабатывали позицию. Всё спокойно.

Я солгал. Второй раз за день. Но я не смог. Не смог выстрелить в того, чья вина была лишь в том, что он родился здесь и пытался выжить в этой мясорубке. Майер был бы разочарован. «Батя» – пожалуй, нет. А кто я сам после этого? Гуманист? Или просто профнепригодный стрелок, чьи призраки обрекают на смерть живых?

Солнце клонилось к закату, окрашивая пустыню в кроваво-оранжевые тона. Где-то там, у солёного озера, Дюран анализировал данные. Где-то здесь, в лагере, затаился шпион. А я сидел в своей засаде, с чистой винтовкой и грязной совестью, слушая, как пустыня начинает напевать свою вечернюю песню – песню из воя шакалов, шелеста песка и далёкого, едва уловимого гула дизельного генератора оттуда, с северо-востока.

Пояснения к Главе 3:

ВСС «Винторез»: Снайперская винтовка специального назначения (СВС) разработки ЦНИИТОЧМАШ. Калибр 9×39 мм, интегрированный глушитель, эффективная дальность стрельбы до 400-500 м. Используется для бесшумной и беспламенной стрельбы. Патроны СП-5 и СП-6 обладают высокой пробивной способностью благодаря тяжёлой пуле.

МТП-2 (Многоцелевой тепловизионный прицел): Рос-

сийский тепловизионный прицел второго поколения на основе матрицы с запрещённой зоной 640х512 пикселей. Позволяет вести наблюдение и стрельбу в полной темноте, в дыму, в лёгких туманах. Критически важен для ночных операций.

Посттравматический стресс (ПТСР): Тяжёлое психическое состояние, возникающее в результате единичной или повторяющейся психотравмирующей ситуации. Симптомы: «воспоминания» (навязчивые воспоминания), гипервозбуждение, избегание триггеров, эмоциональная холодность или вспышки гнева. Часто встречается у ветеранов боевых действий.

Караванные пути Сахары : Исторические сети маршрутов, по которым велась транссахарская торговля (золото, соль, рабы). Многие из них используются до сих пор контрабандистами и нерегулярными вооружёнными группами благодаря знанию местности и наличию редких источников воды.

Джеллабия: Традиционная длинная одежда с широкими рукавами, носящаяся в странах Северной Африки и Ближнего Востока. Обычно из хлопка или шерсти, обеспечивает защиту от солнца и песка.

ГЛАВА 4: СКИФ. УРОКИ ПУСТЫНИ

Эпиграф: «Война – это не спорт. Здесь нет «честной игры». Есть эффективность и неэффективность. Жизнь и смерть. Всё остальное – для тех, кто выживет, чтобы писать мемуары». – Из блокнота Максима Волхова («Скиф»).

Перспектива: «Скиф»

Рассвет в пустыне – это не живописная картинка. Это резкая, болезненная смена декораций. От абсолютной, леденящей черноты и пронизывающего до костей холода – к слепящей, агрессивной белизне неба и жаре, которая обрушивается как физический удар. Мои биологические часы, сбитые годами в окопах Донбасса с его серыми рассветами, тут отказывали. Просыпался я за час до света, от внутренней тревоги.

Сегодня мой пост – восточная окраина лагеря, за грудой битого кирпича от старой школы. Позиция дерьмовая: низкая, без хорошего обзора, зато с укрытием. Поставил я здесь не себя, а «Молота». Ему нужно было просто сидеть, смотреть в сектор и не думать. Думать буду я.

Я занял точку в ста метрах от него, в тени сгоревшего гру-

зовика. Отсюда видно и его, и подступы к лагерю, и часть той караванной тропы. В руках – не АК, а новинка, которую «Шахматист» добыл: автомат АК-19Л с длинным стволом и складным прикладом, оснащённый коллиматором «ОКП-М2» и лазерным целеуказателем ЛЦУ-5. Оружие точное, как линейка. На пояс – «Балкан». Вчерашняя перестрелка в вadi была грязной работой. Сегодня, если что, будет работа хирургическая.

«Молот» сидел неподвижно, его массивный силуэт сливался с камнями. Но я видел, как каждые пять минут его голова чуть поворачивалась на шорох ящерицы или отдалённый крик осла. Парень на взводе. После вчерашнего его рефлексy будут либо опаздывать, либо опережать событие. И то, и другое смертельно.

В радиодинамике тихо потрескивало. Голос «Сойки»: «Воздух чист. Дроны на маршруте. Паттерн обычный: кочевники с козами на юге, два джипа хунты на дороге к Гао. Ничего подозрительного».

«Подозрительное – это когда слишком чисто», – пробормотал я себе под нос.

И словно в ответ, с востока, от тропы, донёсся звук. Не выстрел. Не крик. Монотонный, низкий гул, на грани слышимого, словно гигантский шмель застрял где-то под землёй. Я приложил ухо к рации, переключив на широкий диапазон. «Сойка» уже работала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.